

ИСТОКИ

РЕДАКТОР ВАСИЛИЙ АВДЮШИН

ботников при обкоме КПСС. И в этой должности трудился до июля 1964 года...

(Окончание. Начало на 1-й стр.)
В марте минувшего года заместителем главы Кромского района, племянник Василия Кононовича, В. В. Ефимов познал В. К. Авдюшина, которое хранится в госсархиве области. Читая следующее: "В метрических книгах Николаевской церкви г. Кромы имеются записи о рождении и кромского мещанина Конона Васильевича Авдюшина и его жены Пелагеи Яковлевны детей: Василия — 1901 г., Глафиры — 1911 г., Ивана — 1913 г."

В личном листке по учёту кадров В. К. Авдюшин собственноручно, чёрными чернилами, безгумным почерком, напоминающим записи известных русских революционеров, сообщил о себе, что родился в декабре 1901 года в городе Кромы в семье рабочих (хотя областной архив, как видим, назвал отца будущего редактора "кромским мещанином"). Далее, в автобиографии, Василий Кононович уточнил: "Я родился в семье рабочего-сапожника. С 1915 года по 1919-й работал у купца Краюшкина пастухом, учеником в казённой сапожной мастерской".

Всё это не помешало В. К. Авдюшину закончить Кромское городское училище (1910 — 1914) и год заниматься в высшем начальном училище (из стен Кромского училища в это время выйдут лауреат Сталинской премии 1949 года геолог А. А. Гапеев, лауреат Сталинской премии 1951 года учёный А. И. Куренцов и художник В. А. Беляев). С 1919 по 1924 год В. К. Авдюшин находился в действующей армии, в составе Юго-Западного, Западного, Южного фронтов и в Средней Азии. Был красноармейцем и помощником командира взвода 9-й стрелковой, 11-й кавалерийской, 4-й Туркестанской и 7-й Самарской кавалерийских дивизий. В 1920-е годы работал помощником прессы на заводе имени Коминтерна в го-

роде Борисове (Белоруссия), здесь был принят в ВКП(б). Споспобного молодого рабочего Василия Авдюшина приметили и предложили стать слушателем Всесоюзной партийной школы в Гомеле. После её окончания в 1930 году В. К. Авдюшин — редактор районной газеты "Сцяг Леніна" в Наровле. Затем возглавляет районную газету "За коллективизацию" в Березино и "Шлях к коммунизму"

В. К. Авдюшин с родственниками в Кромах.

— в Комарино всё той же БССР. В 1938 году его выдвигают на пост заместителя республиканской газеты "Советская Белоруссия", В. К. Авдюшин переезжает в Минск. И здесь же ещё через два года Василий Кононович становится работником ЦК Компартии Белоруссии.

С первых дней войны и до 1946 года Авдюшин был заместителем редактора, а затем редактором газеты 60-й армии ("Армейская правда"), входившей в состав Центрального, Воронежского, 1-го и 4-го Украинского фронтов. Прошёл Украину, Польшу, Германию, Чехословакию, за ратный труд был награжден орденом Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны II степени, медалями "За оборону Москвы", "За победу над Германией".

3 января 1947 года Василия Кононовича назначают ответственным редактором област-

ной газеты "Орловская правда". К моменту заполнения личного листа по новой должности редактор В. К. Авдюшин был женат, имел дочь 16 лет и сына 13 лет. В ноябре 1947 года секретарь Орловского обкома ВКП(б) по кадрам В. Т. Слюнин подписал такую характеристику руководителя областной газеты: "Тов. Авдюшин политически развит, имеет организационные способности и практический

опыт газетной работы, держит связь с партийным, советским и хозяйственным активом области, специалистами и передовиками промышленности и сельского хозяйства и привлекает их к участию в газете". После смерти Сталина, с началом "оттепели", на В. К. Авдюшина посыпались партийные окрики. Вот, к примеру, выписка из протокола заседания бюро Орловского обкома КПСС от 18 августа 1953 года: "Об опозданиях с выпуском областной газеты "Орловская правда". Бюро обкома признаёт совершенно недопустимым, что редакция "Орловской правды" в последнее время ослабила борьбу за своевременный выход очередных номеров газеты и стала допускать систематическую задержку рассылки газеты подписчикам... Редактор газеты Т. Авдюшин вместо борьбы с этим злом стал на путь его оп-

равдания ссылками даже на самые малозначительные поводы. Бюро обкома КПСС постановляет: указать т. Авдюшину на прямые нарушения с его стороны решений ЦК КПСС о своевременном выпуске газет и рассылки их подписчикам. Категорически потребовать от редакции "Орловской правды" и лично т. Авдюшина не допускать подобных нарушений без серьёзных причин и необходимости".

Нередко, когда очередной номер газеты был сверстан и подписан редактором и заверен цензором, из Москвы поступал срочный документ по линии ТАСС (Телеграфного агентства Советского Союза). Если во времена И. В. Сталина такие срочные депешки были достаточно краткими и ясными, то при Н. С. Хрущёве, наоборот, туманными и длинными. Газетчикам вместе с работниками типографии нужно было снять какой-то уже готовый материал, набрать новый, сверить его и вновь подписать номер в печать. Если учесть, что тогда за любую ошибку редакторы отвечали головой, то станет понятно: им приходилось несладко...

В январе 1958 года редактор "Орловской правды" был назначен И. М. Пятенков.

Больше года В. К. Авдюшин находился на пенсии, а затем в мае 1959 года был утверждён заведующим курсами переподготовки партийно-советских ра-

ботников при обкоме КПСС. И в этой должности трудился до июля 1964 года...

11 лет В. К. Авдюшин был редактором областной газеты в Орле. Это немалый срок. Каждый день он должен был определять лицо издания, своевременно давать читателям выверенные с самых разных точек зрения те или иные материалы. И так в течение многих лет...

История жизни В. К. Авдюшина показывает, как мало мы ценим талантливых людей. И как бы ни был субъективен, освещая жизненный путь Василия Кононовича, его судьба во многом печальна. Вновь приходилось к грустному выводу о том, что, пока ты молод и горяч и везешь воз в гору, тебя безжалостно используют, нагружая всё новыми и новыми обязанностями...

И очень хорошо, что редакция "Орловской правды" накануне своего 90-летия публикует биографию редакторов и рядовых журналистов. В книге "Летописцы" (1997 год), например, отсутствовали сведения о редакторах "Орловской правды" 20-х и 30-х годов XX века. Мало что знаем мы и о других газетчиках.

Хотелось бы, чтобы нынешнее поколение "Орловской правды" как можно полнее (и теплее) рассказало об истории своего издания. Наши предшественники заслужили доброго слова.

Василий АГОШКОВ. Собственный корреспондент "Орловской правды" по Кромскому, Троицкому, Дмитровскому и Сосковскому районам с октября 1988-го по февраль 1999 года.

КАК БОЛЬШЕВИКИ ЦЕРКОВНЫЕ ЦЕННОСТИ ИЗЫМАЛИ

Великий голод охватил зимой 1922 года значительную территорию России с населением более 23 миллионов человек и унес около 6 миллионов жизней. Вожди большевистской революции в этой трагической ситуации решили нанести смертельный удар по православной церкви. Под предлогом оказания помощи голодающим они распорядились изъять церковные ценности, рассчитывая, во-первых, получить на свои нужды не менее 525 тысяч пудов серебра, а во-вторых, подорвать материальную основу церкви и, обвинив ее в нежелании жертвовать свои ценности на борьбу с голодом, жестоко расправиться с духовенством.

Однако еще в августе 1921 года патриарх Тихон обратился с посланием к главам отдельных христианских церквей (православным патриархам, папе римскому, архиепископу Кентерберийскому и епископу Йоркскому) с призывом во имя христианской любви произвести сбор денег и продовольствия и выслать их умирающему от голода населению Поволжья. Тогда же был основан всероссийский церковный комитет по помощи голодающим. Но подобная церковная организация Советское правительство не устраивала, и ее вскоре запретили, а собранные деньги отобрали.

В то же время угроза голода резко возрасла. 9 декабря 1921 года ВЦИК специальным постановлением разрешил "религиозным управлениям и отдельным религиозным обществам верующих" денежные и продовольственные сборы в пользу голодающих.

К февралю 1922 года духовенство и прихожане православных приходоов собрали более 8,9 млн. рублей, не считая великих изделий, золотых монет и натуральной помощи голодающим. Однако уже 23 февраля по предложению Троцкого президиум ВЦИК принимает декрет, который обязывал местные органы власти в месячный срок "изъять из церковных имуществ все драгоценные предметы из золота, платины, серебра и камней". 28 февраля патриарх Тихон обратился с воззванием к духовенству и верующим, в котором осудил действия правительства.

К середине марта выяснилось, что предположения о "несметных" богатствах церковных организаций оказались явно завышенными, поскольку Гражданская война, интервенция сделали свое дело — многое из хранящегося в церквях и монастырях было утрачено. Повсеместно духовенство и верующие укрывали наиболее ценную утварь и оказывали сопротивление принудительному изъятию. Местные власти вынуждены были считаться с на-

Вящихся изъятию, применение военной силы...

20 марта план Троцкого приняли на заседании политбюро. В ход были пущены все возможные средства. Первое кровопролитие произошло в городе Шуе: 4 убитых и 10 раненых, причем убитых среди красноармейцев не было. 24 марта ЦК РКП(б) отправляет на места телеграмму с указанием "приступить к изъятию по всей стране". Действия властей на местах усложнились, что привело к столкновениям верующих с отрядами, изымавшими

ценности, а в дальнейшем к показательным процессам, приговорам и расстрелам. За время изъятия ценностей было зарегистрировано 1414 кровавых столкновений.

В конце апреля теперь уже и для Троицкого становится явным, что обрести "несметные богатства" в действующих церквях и монастырях невозможно. Их там просто не было. Но, не желая признавать свое поражение, он идет другим путем: обвиняет "верхушку церковной иерархии" в том, что ей удалось вывезти главные церковные ценности за границу. Именно это заявление Троцкого стало отправной точкой последующих процессов над православным духовенством и верующими, которые происходили в России до весны 1923 года.

В целом по стране в течение 1922 — 1923 гг. были расстреляны 2691 священник, 1962 монаха и 3447 монахинь. 9 мая 1922 года был арестован патриарх Тихон. Кампания по изъятию ценностей и расправа над духовенством проводилась и в Орловской губернии. В помещении Орловского гбмузея с 23 марта 1922 года располагалась губернская научно-художественная экспертная комиссия, которая и занималась изъятием ценностей из музейных хранилищ и церквей.

Новоявленные конкистадоры с огромным рвением и знанием дела принялись исполнять указания Москвы. 20 апреля губернская комиссия обратилась к епископу Серафиму с требованием немедленно предоставить список храмов Орла и тут же приступила к изъятию находящихся в них ценностей.

К середине мая из уездов начали прибывать отдельные партии церковных ценностей. Все они, за редким исключением, были плохо упакованы, находились в полуразвалившихся ящиках. Золотые вещи и драгоценные камни были перемазаны с серебром, и даже без подробной описи, что не исключало хищений.

В неистовом рвении забирались все вплоть до личных вещей церковнослужителей и монашествующих. Так, при изъятии ценностей женского Введенского монастыря из монастырских келий уполномоченные забрали иконы...

Официально изъятие ценностей в Орловской губернии продолжалось до 1 июля 1922 года: из православных храмов и монастырей было изъято 688 пудов 15 фунтов 9 золотников 61 доля серебра, 7 фунтов 10 золотников 66 долей золота и большое ко-

личество камней. На всю эту операцию власти израсходовали более 90 тыс. рублей. Немало ценностей было сокрыто, поэтому изъятие церковных сокровищ не прекращалось.

По отношению к тем, кто отказывался сотрудничать с властями или укрывал ценности, были организованы судебные процессы. В Орле с 18 по 20 июня проходил показательный открытый процесс над правящим епископом Орловским Серафимом и икарным епископом Елецким Николаем, а также мирянами И. В. Преображенским, И. М. Тритенко, В. Н. Соловьев, Е. Д. Краевичем. Подсудимые виновными себя не признали. Однако решением губернского Революционного суда епископа Серафима осудили на 7 лет, а епископа Николая — на 3 года. В сентябре 1922 года за сокрытие ценностей и верность патриарху Тихону привлечены к суду священник Аркадий Оболенский из Михайло-Архангельской церкви, Иван Дубакин из Петропавловского собора, Павел Свяцкий, отец Семиволод из монастыря, бывший ректор семинарии Владимир Сахаров, архимандрит Пантелеймон, ключарь собора Афанасий Высотский, церковные старосты. Отцу Павлу и другим вынесли общественное порицание. Двоих выслали из Орла. Храмы закрыли.

6 июня 1922 года было принято правительственное постановление о прекращении сбора ценностей, однако неофициальная кампания по изъятию церковных ценностей в СССР продолжалась до 1 апреля 1923 года.

Как свидетельствует историк А. Яковлев, церковь была ограблена на 2,5 млрд. золотых рублей, а зерна для голодающих заказали на 1 млн., да и то на семена (3 млн. пудов зерна при дефиците 200 млн. пудов). "Куда же исчезли деньги?" — задает он вопрос и дает ответ: "Они пошли на личное обогащение "вождей" и на "мировую революцию". По мнению историков М. И. Одиной, О. Ю. Васильевой и ныне покойного П. Н. Кышневского, которые судьбе церковных ценностей посвятили специальные исследования, реализация шла по трем направлениям: промышленная переработка церковного серебра и золота для Наркомфина, формирование "алмазного фонда" Гохрана и отбор художественных изделий для Внешторга, причем подавляющая часть серебряных изделий шла на переплавку. Так русская культура навсегда утратила многие творения древних мастеров России.

Анатолий ПЕРЕЛЫГИН. Председатель Орловского церковного историко-археологического общества.

ИЗ ИСТОРИИ РОДА ПУШКАРЁВЫХ

"Обычай прав, усопших важный сон нам почитать издревле повелевший", — писал замечательный поэт пушкинских плеяд Евгений Боратынский. К числу сохранившихся исторических погребений на орловском Троицком кладбище относятся могилы генерал-майорши Любови Ивановны Пушкаревой и ее сына Федора Федоровича. На надгробном памятнике из розового мрамора указывается, что она скончалась 22 марта 1869-го, а он — 2 марта 1873 года.

Их могилы находятся у южной наружной стены Свято-Троицкой церкви, напротив алтаря, рядом с ермоловской усыпальницей, расположенной в правом приделе храма. В послереволюционное время из усыпальницы исчезло все, напоминающее о знаменитом генерале Алексее Петровиче Ермолове и похороненных рядом с ним близких родственниках, а небольшое помещение придела стало использоваться в утилитарных целях. Поэтому могилу Пушкаревых, расположенную перед барельефом генерала, жители города и гости принимали за ермоловскую, возлагая на нее цветы и ставя зажженные свечи.

А ведь захоронение Пушкаревых само по себе заслуживает внимания орловцев, так как тоже, как ермоловская гробница, является памятником эпохи 1812 года. Дело в том, что муж Любови Ивановны полковник Федор Николаевич Пушкарев (командир Псковского кирасирского полка) с 12 июня 1812 года, то есть, как сказано в его формулярном списке, "со времени вступления французско-союзных войск в российский пределы", участвовал во всех "действительных сражениях" — под Бородино, Малоярославцем, Можайском, Тарутино, Вязьмой и Красным.

За проявленную храбрость в боях у Бородина и деревни Винковой по приказу главнокомандующего армией генерал-фельдмаршала М. И. Кутузова Пушкарев был награжден орденами Св. Владимира 4-й степени с бантом и Св. Анны 2-го класса, получил "высочайшее благоволение".

Отличился наш земляк и во время освободительного zahraniчного похода нашей армии. За оказанные им мужество в Кульмской битве и проявленную отвагу в ряде других сражений по приказу сменившего Кутузова главнокомандующего армией генерал-фельдмаршала Барклая де Толли Пушкарева наградили орденами Св. Георгия 4-го класса и Св. Анны 2-го класса с алмазами. Кроме того, за доблесть в битве под городом Барсюроб прусский король пожаловал Федору Николаевичу орденом за достоинство. Имел он и золотую шапку с надписью: "За храбрость".

При взятии Парижа 18 марта 1814 года Пушкарева ранило в правую руку навывел пулей. За смелость, оказанную в этом походе и в двух других, где дважды преследовал неприятеля, Барклай де Толли пожаловал Федору Николаевичу орденом Св. Владимира 3-й степени. Только в конце 1815 года возвратился он в Россию из zahraniчного похода.

В следующем году отважный воин избрал в спутницы жизни орловскую помещицу, молодую вдову Любовь Ивановну Павлову. В первом браке она состояла с надворным советником А. М. Павловым. На дочери Павлова от первого брака Анне был женат дед будущего историка Т. Е. Грановский.

Лишившись в первой половине 1812 года супруги и бездетной дочери, Алексей Павлов вскоре женился на Любови Ивановне. Но недолго длилась их совместная жизнь, так как 10 марта 1813 года датировано его духовное завещание, по которому все его движимое и недвижимое имущество унаследовала жена. Не считая дома в Орле, основное имение супругов Павловых располагалось в болховском селе с тройным названием — Георгиевское, Богородицкое, Подзаваолово тож (ныне Урицкий район).

Кстати говоря, прихожанами находящейся в нем Георгиевской (Успенской) церкви были его ближайшие соседи В. А. Жувовский и Т. Н. Грановский, внук зятя А. М. Павлова. Причем совместно с великим поэтом надворная советница Павлова владела деревушкой Холх, что недалеко от Подзаваолова. Накануне свадьбы своей племянницы Александры Протасовой автор "Светланы" уступил овдовевшей Любови Ивановне свою половину деревни, отразив этот факт в шутивном стихотворении:

*Холх хотел я подцепить
Холх, урочище вдовое!
Но, скажу, приятней вдове
Мне соседке угодить...*

Выйдя замуж за героя Отечественной войны 1812 года, Любовь Ивановна из разряда дальних родственниц Грановских перешла в постононие. По 2011 апреля 1818 года она заключила с коллежским ассесором Тимофеем Ефимовичем Грановским письменное соглашение "к утверждению общего нашего спокойствия во владении движимым и недвижимым имуществом, предоставленным мне, Пушкаревой, по духовному завещанию от покойного первого мужа моего надворного советника Алексея Михайловича сына Павлова, а ему, Грановскому, по такому же завещанию и прочим крепостным актам от покойной жены его, родной дочери моего первого мужа моего Анны Грановской".

В тот же день полковница Пушкарева продала за 2500 рублей государственным ассигнациям "крепостную свою зем-

лю", находящуюся в селе Редкино Орловского уезда.

В 1821 году генерал-майор и многих орденов кавалер Федор Николаевич Пушкарев, одно время правивший должность губернского предводителя дворянства, вместе с женой и детьми был внесен в третью часть Орловской губернской дворянской родословной книги. В Заорлицкой части города (теперь Советский район) им принадлежали два дома — каменный и деревянный. У Пушкаревых была большая библиотека, книги из которой целыми узлами служили за плату носили в дом Грановских, где их с жадностью прочитывал будущий прославленный историк.

Решив благоустроить свое подзаваоловское поместье, Пушкарев купил на своз усадебный дом Е. А. Протасовой-Бунинной (сводной сестры Жуковского) в соседнем селе Муратово. Этот дом, построенный по чертежам и под наблюдением Василия

Могилы Л.И. и Ф.Ф. Пушкаревых возле Троицкой церкви.

Андреевича, еще стоял в Подзаваолове в 1881 году.

Согласно исповедным ведомостям Успенской церкви этого села за 1837 год овдовевшей вторично генеральше Л. И. Пушкаревой было 48 лет. Семерым ее детям исполнилось соответственно: Варваре 21 год, Николаю 20 лет, Елизавете 18, Любови 15, Александру 13, похороненному впоследствии рядом с матерью Федору 10 и Софии 5 лет.

В январе 1844 года Любовь Ивановна выдала свою дочь Лобу замуж за коллежского ассессора Егора Филиппова. Бракосочетание состоялось в орловской Михайло-Архангельской церкви, в приходе которой жила невеста. Поручителем с ее стороны был ее брат поручик Николай Пушкарев.

Во время десятой переписи населения, проходившей в стране в 1858 году, генерал-майорше Пушкаревой в Болховском уезде принадлежали два села — Подзаваолово (дворянских 41 человек и 312 крестьян обоего пола) и Маховичи, Михайловское тож (четыре дворянских и 63 крестьянских), и две деревни: Жулино, Рыдьян тож (десять дворовых и двести крестьян) и воспетый поэтом Холх (144 крестьянина). Кроме того, за Любовью Ивановной вместе с сыном коллежским секретарем Федором и двумя дочерьми числилось 18 дворовых людей.

Жизнь супруги героя Отечественной войны и zahraniчных освободительных походов русской армии, прекрасной многодетной матери Любови Ивановны Пушкаревой, входившей в орловское окружение Жуковского и Грановского, оборвалась в марте 1869 года, через полтора года после сооружения (на средства императора Александра II) правого придела Свято-Троицкой кладбищенского храма, ставшего усыпальницей Ермоловых. Похоронили Любовь Ивановну около правого церковного придела.

В июле этого же года ее зять статский советник Е. А. Филиппов сделал такую запись в приходской книге храма: "Пожертвовано мною в пользу Троицкой церкви серебром сто рублей в память погребенной на этом кладбище генерал-майорши Любови Ивановны Пушкаревой с тем, чтобы место, где погребено тело Пушкаревой, подле алтаря церкви, в уступе, мерую в длину четыре, а в ширину три с половиной аршина (аршин равен 71, 12 см — В. В.), должно оставаться за домом Пушкаревой, и место это будет огорожено железною решеткою".

Через четыре года на этом месте, возле матери, обрел последнее пристанище ее младший сын Федор. Связав свою судьбу с Нонной Александровной, отец четверых детей, он оставил им полутораэтажный дом на Георгиевской (Тургеневской) улице, рядом с Введенской церковью, и подзаваоловскую усадьбу. Последнее упоминание о его сыне Леониде Федоровиче Пушкареве как владельце Подзаваолова относится к 1917 году.

Владимир ВЛАСОВ.